

ПЕЧАТЬ СТЕКЛА
ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Печать Стекла

<https://litres.ru/74688978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аня Крылова привыкла работать с тем, что легко разбивается. Студентка-витражница, она собирает цветные осколки в картины.

Однажды ночью она становится свидетельницей невозможного: в заброшенном стекольном цехе трое подростков сжигают мужчину острым, как игла, светом — и тот рассыпается осколками, не долетая до земли.

Наутро в её квартире трескаются все зеркала, а младший брат Дима — мальчик, которого она растит после смерти отца, — бесследно исчезает. На стене остаётся отпечаток ладони, выжженный изнутри, и надпись, процарапанная осколком: «Отдай, что не твоё».

Так Аня узнаёт, что существуют Стекланные Стражи — потомки людей, заключивших договор с духами отражений. Они уничтожают искажения: сущности, которые проникают в мир через трещины в старых стёклах и питаются человеческой памятью.

Но настоящая угроза Лев Радугин, бывший Страж, исключённый из Совета. Он похитил Диму, чтобы вытащить из его памяти Печать и использовать как ключ.

Содержание

Глава 1. Ночная смена	4
Глава 2. Стекло помнит	11
Глава 3. Имя на фотографии	26
Глава 4. Стражи	40
Глава 5. За стеклом	55
Глава 6. Лес осколков	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ольга Ефимова

Печать Стекла

Глава 1. Ночная смена

В мастерской пахло канифолью, горячим металлом и старой пылью, которая забивалась в щели между рамами и жила там десятилетиями. Аня Крылова любила этот запах больше, чем духи, кофе и свежий воздух. В нём было что-то честное: если пахнет паяльником и свинцом, значит, работа ещё не закончена.

За окном давно стемнело. Стекольный район засыпал рано — магазины закрывались, витрины гасили свет, редкие машины проезжали по мокрому асфальту, оставляя длинные полосы отражений. Аня сидела над последней секцией витража: тёмно-синее стекло, тонкая медная жилка, кусочек янтарного — как застывшая капля солнца в ночной воде. Она подцепила осколок пинцетом, примерила, подпилила край, вложила в свинцовую оправу. Работа была медленная, почти медитативная. Именно поэтому Аня брала ночные смены. Днём в мастерской слишком много людей, разговоров, чужих заказов. Ночью оставались только стекло, свет и она сама.

Телефон на краю стола дрогнул.

«Ты скоро?» — написал Дима.

Аня посмотрела на время. Половина двенадцатого. Она обещала вернуться к десяти.

«Заканчиваю. Купила печенье. Не спи?»

«Сплю», — ответил брат через минуту.

Аня улыбнулась. Дима всегда врал одинаково — коротко и с вызовом, будто сон был делом принципа.

Ему было пятнадцать. Он учился в школе с математическим уклоном, терпеть не мог историю, обожал собирать старые радиоприёмники и иногда смотрел на Аню так, будто она была не сестрой, а человеком, который слишком рано занял чужое место. После смерти отца прошло три года. За это время Аня научилась готовить одну и ту же пасту, подписывать дневник, проверять, не забыл ли Дима ключи, и не плакать при нём. Он научился не спрашивать, почему она возвращается так поздно.

Она убрала инструменты, накрыла витраж плёнкой, выключила паяльник. В мастерской стало тише. Где-то за стеной капала вода из плохо закрученного крана. Аня натянула куртку, сунула руки в карманы, проверила, на месте ли ключи. На выходе она, по привычке, взглянула на себя в старое зеркало в коридоре.

Отражение было усталым: бледное лицо, тёмные волосы собраны в небрежный пучок, под глазами тени. Ничего особенного. Но на секунду ей показалось, что зеркало моргнуло чуть позже, чем она. Аня уже давно не доверяла зеркалам. С

тех пор как умер отец, у неё появилась странная привычка: она всегда смотрела в отражения внимательнее, чем нужно. Иногда ей казалось, что стекло живёт своей жизнью. Иногда — что это просто усталость.

Она вышла на улицу.

Стекольный район остался с тех времён, когда город ещё что-то производил. Теперь здесь были склады, мастерские, гаражи и длинные корпуса старого завода, которые никто не сносил, потому что дешевле было забыть. Ночью район выглядел особенно странно: тёмные окна, пустые витрины, фонари, половина из которых не горела. Аня шла быстро. Она знала дорогу наизусть: два квартала прямо, потом через двор, потом короткий путь мимо заброшенного цеха — и дом. Обычно она выбирала длинную дорогу, но сегодня хотела спать.

У цеха пахло сыростью и ржавчиной. Огромные окна были забиты фанерой, но кое-где стекло сохранилось — мутное, в трещинах, оно тускло отражало свет далёких фонарей. Аня шла вдоль стены и смотрела под ноги, чтобы не споткнуться о битый кирпич. И поэтому сначала заметила не движение, а отражение.

В одном из окон цеха мелькнула улица. Дорога, фонарь, её собственная фигура в тёмной куртке. Всё как должно быть. Но за её спиной, в отражении, стоял лишний человек.

Аня остановилась.

В окне за её отражением был мужчина в старом плаще.

Лица не разглядеть — только силуэт, слишком неподвижный для прохожего. Аня обернулась. За спиной никого не было. Пустая дорога, мокрый асфальт, фонарь, мигающий на ветру.

Она снова посмотрела в стекло.

Мужчина всё ещё был там.

Сердце стукнуло сильнее. Аня сделала шаг назад, не отрывая взгляда от окна. Отражение повторило движение. Мужчина в плаще — нет. Он не сдвинулся, но теперь за ним, глубже в стекле, появились ещё трое. Тонкие фигуры в капюшонах. Они стояли полукругом, будто окружали его.

Аня хотела убежать и это было бы разумно. Позвонить Диме, сказать, что задержится, пойти другой дорогой, обойти завод стороной. Но ноги будто приросли к асфальту. Она смотрела в окно и понимала, что видит не отражение улицы. Отражение улицы было бы плоским, серым, скучным. А здесь, за мутным стеклом, был другой свет. Слишком яркий, слишком белый. И в этом свете мужчина в плаще медленно поднимал голову.

Из троих в капюшонах один выдвинулся вперёд и опустил руку на плечо мужчины. Аня не расслышала ни звука, вскрика, ни хруста стекла, ни даже дуновения ветра. Тишина нависла тяжёлым покрывалом, и от этой глухой неподвижности в ушах зарождался пронзительный звон.

А потом в отражении вспыхнул свет.

Свет не обжигал — он был пронзительным, словно остриё

иглы, и ледяным, будто кромка стального лезвия. Он пронизал фигуру мужчины в плаще, и тот начал распадаться — не рушиться, не пылать, а именно рассыпаться на мириады крошечных осколков. Каждый из них на мгновение вспыхивал, а потом растворялся в воздухе, так и не коснувшись земли. Аня застыла, наблюдая, как плечи мужчины теряют плотность, становясь полупрозрачными, как черты лица дробятся на тонкие светящиеся линии, а плащ оседает, превращаясь в пустоту.

Она хотела закричать, но воздух застрял в горле.

Один из подростков в капюшоне повернул голову. Аня не видела лица — только бледный профиль и глаза. Свет фонаря отразился в них, и на секунду ей показалось, что глаза у него треснули. Как стекло, в которое ударили изнутри.

Он смотрел прямо на неё.

Ночь обволакивала город плотной вуалью, пряча в тенях чужие тайны.

А он всё смотрел сквозь стекло — на неё, будто в этом взгляде была вся его правда.

Аня отшатнулась. На этот раз отражение запоздало — всего на миг, но она это заметила. Её двойник в стекле остался стоять ещё полсекунды, прежде чем повторить движение. В окне подросток поднял руку. Не угрожающе. Скорее так, как поднимают руку, чтобы проверить, видит ли тебя кто-то.

Губы его шевельнулись.

Звук не прорвался наружу, но Аня поняла слова. Не услы-

шала — прочитала по губам, по движению тени, по тому, как стекло отозвалось лёгкой дрожью.

— Она видит.

Второй подросток обернулся. Третий тоже. Теперь все трое смотрели на неё. Мужчина в плаще исчез. На его месте остался только серый след на стекле — как отпечаток ладони, который медленно таял.

Аня сделала шаг назад. Потом ещё один. Асфальт под ногами был мокрым и скользким. Она не помнила, как достала телефон. Пальцы дрожали. На экране было сообщение от Димы: «Ты где?»

Она не ответила.

В окне цеха один из подростков улыбнулся. Или ей показалось. Свет фонаря мигнул, стекло потемнело, и там снова отразилась только пустая улица. Никого. Только Аня, фонарь и дорога.

Она побежала.

Не оглядываясь, не разбирая дороги, через двор, мимо гаражей, мимо тёмных витрин, в которых её отражение то появлялось, то исчезало. Дом встретил её жёлтым светом в окне кухни. Дима не спал. Аня поднялась по лестнице, отперла дверь, вошла в прихожую и прислонилась спиной к стене. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты чего? — Дима выглянул из комнаты. В наушниках, с растрёпанными волосами, живой. — Я думал, ты уже не придёшь.

Аня медленно перевела взгляд с него на зеркало в прихожей. Тусклое стекло отражало только двоих: её — бледную, в куртке — и брата, неподвижно стоявшего в дверях. Всё остальное — подростки, мужчина в плаще, тот странный стеклянный свет — будто растворилось, исчезло без следа, словно и не было вовсе.

— Всё нормально, — сказала она. — Просто устала.

Дима пожал плечами и ушёл к себе. Аня ещё долго стояла в прихожей, не снимая куртку. Она смотрела на зеркало и ждала, что отражение снова опоздает. Но оно было послушным. Слишком послушным.

В ту ночь она впервые за три года заперла входную дверь на два оборота. И всё равно не смогла уснуть.

Глава 2. Стекло помнит

Утро пришло серым и мокрым, как будто город всю ночь стоял под душем. Аня не спала. Она лежала на диване в куртке, не сняв ботинки, и смотрела в потолок. В квартире было тихо — только холодильник гудел на кухне да за стеной у соседей бормотал телевизор. Обычные звуки нормальные. Такие, от которых должно становиться спокойнее.

Не становилось.

Она прокручивала в голове увиденное снова и снова, как плёнку, заевшую на одном кадре. В поле зрения мелькнули: мужчина в плаще, трое в капюшонах, свет — колючий, будто сотканный из ледяных игл. Осколки кружились в воздухе и таяли, не успевая коснуться земли. А в глазах подростка застыла странная трещина — словно по стеклу ударили изнутри. По его губам скользнули два слова: «Она видит». Фраза, которой не должно было прозвучать в этой тишине.

Аня опустилась на стул. В прихожей по-прежнему висело старое зеркало в деревянной раме — ещё отцовское, с чуть потемневшими краями. Она вгляделась в него, будто надеялась поймать ускользнувшую деталь. Отражение не подвело: перед ней была всё та же усталая девушка — в тёмной куртке, с небрежно скрученным пучком, с тяжёлыми тенями под глазами. Ни чужих силуэтов, ни странного света, ни подростков — ничего лишнего.

— Показалось, — проговорила она, но собственный голос прозвучал жалко, будто пытался убедить её в том, во что сам не верил.

Аня поднялась, прошла на кухню, дрожащими руками налила воду в стакан. Руки всё ещё подрагивали, будто до сих пор ощущали отголоски того, чего не могло быть. Она выпила воду залпом, со стуком поставила стакан на стол и перевела взгляд на окно.

Во дворе всё шло своим чередом: дворник в яркой оранжевой жилетке сгребал мокрые листья, мужчина выгуливал собаку и неторопливо направлялся к подъезду, со стоянки выезжала машина. Обычная жизнь, равнодушная и размеренная. Мир не заметил никакой бури — да и не должен был. Он вообще редко замечал что-то по-настоящему важное.

В половине восьмого из комнаты вышел Дима — сонный, в наушниках, с рюкзаком, небрежно перекинутым через одно плечо. Он бросил на стол бутерброд, налил себе чай, сел напротив. Аня смотрела на него, и внутри у неё что-то сжималось, а потом понемногу отпускало. Он был живой. Настоящий. Вот он — жуёт, морщится, обжигаясь горячим чаем, листает что-то в телефоне, хмурится, будто весь мир сегодня слишком шумный. Никаких трещин в глазах, никакого стеклянного света, никакой неестественной тишины. Только обычный утренний хаос, который вдруг стал самым надёжным доказательством того, что реальность всё ещё держится.

— Ты чего смотришь? — спросил он, не поднимая глаз.

— Ничего. Просто так.

— Ты какая-то странная. Вчера прибежала, как будто за тобой гнались.

Аня хотела сказать правду. Хотела сказать: «Я видела, как человек рассыпался на осколки в отражении окна, и один из тех, кто это сделал, посмотрел на меня и сказал, что я „вижу“. И теперь я не знаю, что мне делать». Но вместо этого она сказала:

— Устала. Много работы.

Дима молча кивнул — он давно привык к таким ответам. Привык к тому, что Аня пропадает на работе допоздна, возвращается уставшей и порой замирает, уставившись в пустоту, будто видит там что-то, недоступное другим. Он и не догадывался, что дело вовсе не в усталости. Не знал, что в её взгляде прячется настоящий, ледяной страх — тот, что не тает ни к утру, ни после чашки горячего чая, ни даже рядом с ним.

— Ладно, я побежал, — сказал он, вставая. — Вечером буду.

— Дим.

Он обернулся.

— Что?

Аня пыталась подобрать слова — такие, что смогли бы хоть немного его уберечь. Но не знала, от какой беды искать защиту, и потому в итоге выговорила лишь самое будничное:

— Ничего. Ключи не забудь.

Дима лишь устало закатил глаза и вышел. Дверь резко хлопнула, отрезав её от короткого, обманчиво обычного момента. Аня осталась в тишине, наедине с собой и с тихим стуком секундной стрелки.

Минут десять она просидела на кухне, не отрывая взгляда от стакана с остывшим, недопитым чаем. Потом поднялась, неторопливо оделась и вышла из дома. Путь её лежал не в мастерскую, а к заводу — туда, где воздух будто становился тяжелее.

Днём стекольный район не выглядел особенно зловещим — такой же, как любое заброшенное место: мокрые от дождя стены, ржавые ворота, окна, наглухо забитые фанерой. Но Аня шла медленно, вглядываясь в каждую деталь: в трещины на кирпиче, в тусклые отражения, в тени, что ложились под странным углом. Она остановилась у того самого окна.

Стекло было мутным, покрытым старыми разводами и слоем въевшейся грязи. В нём отражалась обычная улица — дорога, одинокий фонарь, лоскуток серого неба. И больше ничего. Ни намёка на тайну, ни отголоска того, что ей прикинулось.

Аня подошла вплотную и приложила ладонь к стеклу. Холод был самым обычным — промозглый уличный холод, знакомый каждому, кто долго стоял на ветру. Она провела пальцами по тонкой трещине, будто надеялась нащупать хоть какой-то след, хоть искру смысла. Но ничего не было: ни призрачного света, ни осколков, ни намёка на иную реальность.

Только стекло, холод и тишина.

— Чёрт, — прошептала она. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Аня обошла здание кругом. Задняя стена выходила в захламлённый двор — там громоздились груды битого кирпича и всякого мусора. Взгляд зацепился за ржавую дверь: она была приоткрыта, будто звала войти. Аня толкнула створку — та скрипнула, поддаваясь. Внутри пахло затхлой сыростью и старой краской, запах будто въелся в стены за долгие годы запустения.

Цех оказался огромным — с высокими, теряющимися в полумраке потолками и рядами окон, где вместо стёкол теперь торчали куски фанеры. Свет пробивался сквозь щели узкими косыми полосами, выхватывая из темноты клубы пыли, медленно кружившиеся в воздухе.

Аня шагнула внутрь. Под подошвами хрустело битое стекло. Она прошла чуть дальше, остановилась в центре зала и медленно огляделась. Вокруг была только пустота — ни следов, ни странных отметин, ни тех самых осколков, что когда-то таяли в воздухе, не долетая до земли. Лишь пыль, тишина и ощущение, что это место давно забыто всеми.

Уже собираясь уйти, она вдруг заметила на полу что-то, что слабо поблёскивало в тусклом свете. Маленький кусочек стекла — он выделялся среди остального мусора. Аня присела, подняла его. Осколок был размером с ноготь, но совсем не похож на обычное битое стекло: гладкий, будто отполированный, а внутри — тонкий узор из пересекающихся линий.

Она повертела находку в пальцах. На свету рисунок проступил чётче. Сначала показалось, что это трещина, потом — будто чей-то небрежный почерк. Но нет: это была буква. Одна-единственная, словно выжженная в толще стекла, — «О».

Аня сунула осколок в карман куртки и поспешно вышла из цеха. На улице моросил мелкий дождь, капли оседали на волосах и плечах. Она шла быстро, не оборачиваясь, не замечая ничего вокруг. Не заметила и того, что за ней следят: на крыше соседнего здания неподвижно стояла фигура в капюшоне, провожая её взглядом. Фигура достала телефон и набрала номер — коротко, деловито.

В мастерскую Аня добралась к обеду, но работа не клеилась. Пальцы будто не слушались: она трижды ошиблась с размерами, дважды порезалась о стекло и в конце концов просто бросила всё, опустила на стул и уставилась в стену. Осколок в кармане казался неожиданно тяжёлым, словно тянул вниз. Аня достала его, положила на стол. Буква «О» смотрела на неё, как крошечный немигающий глаз.

— Что ты такое? — прошептала она.

Осколок, разумеется, молчал.

Домой она вернулась раньше обычного. Димы ещё не было. Аня медленно прошла по квартире, проверяя каждое стекло, каждое зеркало — будто надеялась найти в них хоть какой-то намёк, хоть тень того, что видела. В прихожей — всё нормально. В ванной — ничего странного. В комнате —

тишина. На кухне — то же самое. Она даже остановилась у окна, вгляделась в собственное отражение в стекле. Всё было на месте. Всё было... обычным.

Усевшись на диван, она щёлкнула пультом — на экране замелькал какой-то старый фильм. Аня почти не смотрела. Мысли крутились вокруг того, что она видела, и того, что этого, возможно, не было вовсе. В голове мелькнула странная, почти облегчённая мысль: а что, если она просто сходит с ума? Это было бы даже проще — всё объяснить безумием, не искать ответов, не пытаться соединить несоединимое.

Дима пришёл ровно в шесть. Бросил рюкзак в прихожей, прошёл на кухню и распахнул холодильник.

— Ты чего так рано? — спросил он, будто это было самое обычное дело.

— Решила отдохнуть, — ответила Аня, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— А, круто, — равнодушно кивнул он, достал йогурт и сел напротив.

Аня смотрела на него. Он выглядел... нормальным. Немного уставшим, немного рассеянным — как любой школьник, которому хочется просто поесть и не думать про уроки.

— Как день? — спросила она, будто цепляясь за этот простой, привычный вопрос.

— Да нормально всё. Математичка заболела, вместо неё какая-то незнакомая тётка пришла. Ничего толком не объ-

яснила — просто кучу задач накидала. Я половину вообще не понял, там будто на другом языке написано.

— Скину, гляну вместе с тобой.

— Да не надо, сам разберусь, — буркнул Дима и ушёл к себе в комнату.

Аня осталась на кухне. Она снова достала осколок и положила его на стол. Буква «О» тускло поблёскивала в свете лампы, будто насмехалась над её попытками всё объяснить. Аня смотрела на неё, и в груди разрасталось что-то тяжёлое, холодное, словно кусок льда. Она не могла понять, что это: предчувствие, липкий страх или просто изматывающая усталость, накопившаяся за день.

Вечер тянулся тихо, почти обыденно. Дима сидел в комнате, делал уроки, слушал музыку в наушниках, время от времени выходил на кухню налить чаю. Аня ушла к себе и принялась листать старые отцовские бумаги — те самые, что нашла три года назад, когда разбирала коробки. Папки с какими-то расчётами, потрёпанные блокноты с неразборчивыми записями, стопка фотографий.

На одной из них отец стоял в окружении группы людей — человек десять, не меньше. Все в тёмной одежде, серьёзные, будто собрались не на обычную встречу, а на что-то важное. Аня никого из них не знала. Тогда, три года назад, она мельком взглянула на снимок, отложила в сторону и забыла. А теперь снова вытащила его, вглядываясь в каждое лицо в надежде поймать хоть какую-то искру узнавания. Но всё было

чужим.

Отец на фото выглядел моложе — лет на тридцать или чуть больше. Он стоял в центре, смотрел прямо в объектив и улыбался той редкой, тёплой улыбкой, которую Аня почти не помнила. Рядом с ним — женщина с короткими светлыми волосами, за ней — мужчина в очках, дальше — ещё какие-то люди, сливающиеся в одну смутную группу.

Аня перевернула фотографию. На обороте знакомым отцовским почерком было выведено: «Стражи. 2003». Ниже шли несколько имён. Она пробежала по ним взглядом, и одно вдруг зацепило внимание: «Ветров». Аня нахмурилась. Где-то она уже слышала эту фамилию. Вот только где — никак не могла вспомнить.

В дверь тихо постучали. От неожиданности Аня вздрогнула.

— Чего там? — крикнула она чуть резче, чем хотела.

— Я спать, — проговорил Дима из-за двери. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Шаги затихли. Аня убрала фотографию обратно в папку, потом легла на кровать и закрыла глаза. Сон не шёл. В голове бестолково кружились обрывки мыслей: осколок с буквой «О», подросток с глазами, будто треснувшими изнутри, шёпот «Она видит», фраза «Значит, своя»...

Она уже почти провалилась в тяжёлую полудрёму, когда

услышала звук — тонкий, высокий, похожий на едва уловимый звон стекла где-то очень далеко. Аня резко открыла глаза. Звук повторился. Он шёл из прихожей.

Она встала, вышла из комнаты. В коридоре было темно и непривычно тихо. Аня щёлкнула выключателем. Свет залил прихожую, и первое, что бросилось в глаза, — зеркало. По стеклу тянулась тонкая линия — от верхнего края до нижнего, наискосок. Трещина рассекала отражение, деля её лицо надвое. Глаза были на месте, рот был на месте, но что-то неуловимо изменилось.

Аня наклонилась ближе, всматриваясь в трещину. И там, прямо в глубине стекла, она увидела это — букву. Одну-единственную, будто выжженную изнутри. «Т».

Она отшатнулась, чувствуя, как по спине пробегает ледяной озноб, а сердце начинает колотиться где-то у самого горла. Аня метнулась в комнату, схватила со стола осколок. Буква «О» по-прежнему была на месте, холодная и неподвижная. Потом она снова выбежала в прихожую. Буква «Т» никуда не исчезла — она по-прежнему мерцала в трещине, будто живая.

— О... Т, — прошептала Аня, словно пробуя буквы на вкус. — «От...»

Она не стала ждать, пока появится следующая буква. Схватила куртку, ключи и выскочила из квартиры. Дима спал, и будить его она не стала — просто не знала, что сказать. Не знала, что вообще делать. Она бежала вниз по лест-

нице, вылетела на улицу, в холодную, мокрую ночь, туда, где горели фонари и мир ещё казался хоть немного нормальным.

На остановке Аня остановилась, тяжело дыша. Достала телефон, набрала номер мастерской — никто не ответил. Потом набрала Дану, с которой иногда работала, — снова тишина. Она опустилась на скамейку и уставилась на тёмный экран. На часах было половина второго. Город спал, будто ничего не происходило.

Осколок в кармане был холодным, как лёд. Аня достала его, посмотрела. Буква «О» поблёскивала в свете фонаря. И тут она заметила ещё кое-что: рядом, прямо на поверхности осколка, появилась другая буква. «Т». Она не видела, как это случилось, — просто посмотрела, и буква уже была там, тонкая, будто прочерченная раскалённой иглой.

— От, — сказала Аня вслух, голос прозвучал хрипло, почти чужим. — «Отдай»?..

Осколок молчал, равнодушно отражая тусклый свет.

Через час она вернулась домой. В квартире стояла глухая тишина — Дима спал. Аня прошла в прихожую. Зеркало теперь выглядело ещё страшнее: по стеклу разбежались уже три трещины, и в центре, в самом узле их пересечения, темнела новая буква — «Д». Аня смотрела на неё и понимала: это не совпадение. Не игра уставших глаз и не бред. Это было сообщение — чёткое, безжалостное, адресованное именно ей.

Не раздумывая, она накинула на зеркало полотенце. По-

том прошла в ванную и так же закрыла полотенцем зеркало там. В комнате задёрнула штору на окне, будто плотная ткань могла удержать то, что прорывалось сквозь стёкла. Она не знала, поможет ли это. Не знала вообще ничего. Но смотреть на эти буквы больше не могла — они будто вытягивали из неё остатки спокойствия.

Она легла на диван, не раздеваясь. Осколок положила под подушку. Глаза закрылись сами собой. Усталость наконец взяла своё.

Ей снился стеклянный свет. Он был острым, как игла, и холодным, как лёд. Он проходил сквозь людей, и они рассыпались осколками. Аня стояла в центре цеха и смотрела, как мужчина в плаще исчезает. Она хотела закричать, но не могла. Голос не шёл. А потом кто-то положил руку ей на плечо, она обернулась.

Это был отец.

Он выглядел так, как на фотографии — моложе, чем она его помнила. Серьёзный, с усталыми глазами.

— Ты не должна была это видеть, — сказал он. — Но раз увидела — теперь слушай.

Аня хотела ответить. Хотела спросить, что происходит. Но он покачал головой.

— Не сейчас, ты сперва отыщи Марка — он всё растолкует. И береги Диму, слышишь? Береги его, Аня. Он — ключ.

— Какой ещё ключ? — прошептала она, будто голос отказывался звучать громче.

— Печать, — отец посмотрел на неё так, словно это была их последняя встреча. — Я спрятал её в нём. Прости...

Он растаял в воздухе. Аня резко проснулась, дрожа от ледяного пота.

В комнате стояла густая темнота. За окном по-прежнему уныло моросил дождь. Она лежала на диване, боясь пошевелиться, будто любое движение могло вернуть тот странный сон. Сердце колотилось где-то у самого горла. Аня скосила глаза на часы: пять утра. До школы оставалось ещё два долгих часа.

Она тихо встала и на цыпочках прошла в комнату Димы. Брат спал, уткнувшись лицом в подушку, отвернувшись к стене. Одеяло сползло на пол, обнажив худые плечи. Аня осторожно подтянула его, укрыла Диму плотнее. Он что-то невнятно пробормотал во сне, поёрзал, но не проснулся.

Стоя над ним, Аня мысленно повторяла эти слова: «Ключ. Печать». Что они значили? Она не знала. Но теперь у неё было хоть что-то — имя. Марк. Человек, который, возможно, сумеет всё объяснить.

Аня вышла из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь. В прихожей взгляд невольно скользнул к зеркалу. Полотенце, которым она его накрыла, потемнело от сырости. Она подошла, чуть приподняла край ткани. Трещины никуда не делись. Буквы тоже. Теперь их было пять: «О», «Т», «Д», «А», «Й». Слово сложилось полностью — «Отдай». А внизу, почти у самого края, притаилась крошечная, едва различимая

мая буква — «Ч».

Аня опустила полотенце, не досматривая. Ей уже не нужно было видеть продолжение. Она и так знала, что последует дальше: «Отдай, что не твоё». Смысл этих слов оставался загадкой. Она понятия не имела, что у неё есть такого, что нужно отдать. Но одно она понимала совершенно ясно: кто-то — или что-то — пришёл за этим. И время утекало сквозь пальцы.

Вернувшись на диван, Аня села, поджав ноги, обхватив колени руками. До рассвета оставалось ещё много времени, но она знала: сна больше не будет. Она смотрела в окно, на мокрую, блестящую от дождя улицу, на одинокий фонарь, который нервно мигал на ветру, будто подавал какой-то сигнал. И ждала. Ждала, когда небо начнёт светлеть.

А в голове снова и снова звучало одно имя: Марк. Нужно его найти.

Она понятия не имела, кто такой Марк и где его искать. Но в одном была уверена твёрдо: он существует, и только он способен распутать этот клубок необъяснимых событий. Аня твёрдо решила отыскать его — любой ценой, невзирая на преграды.

За окном понемногу разгорался рассвет: тяжёлые тучи расступились, дождь наконец стих, и город, будто встряхнувшись, начинал просыпаться. Аня подошла к окну и вгляделась в тёмное стекло — сейчас в нём отражалась лишь она сама: измученная, с застывшим в глазах страхом, но всё ещё

стоящая на ногах. Ни трещин, ни загадочных букв — только её собственное усталое лицо.

Но Аня знала: эта тишина обманчива. Спокойствие продлится недолго.

Глава 3. Имя на фотографии

Аня не стала ждать, пока Дима проснётся. Она написала ему сообщение — «Ушла по делам, завтрак в холодильнике» — и вышла из дома в половине седьмого, когда город ещё был серым и сонным. Улицы пахли мокрым асфальтом и мусором. Фонари гасли один за другим. Дворник в оранжевой жилетке снова собирал листья, как будто и не уходил домой. Аня прошла мимо, не поздоровавшись. Она думала только об одном.

Марк.

У неё не было ни фамилии Марка, ни адреса, ни даже чёткого представления о том, как он выглядит — в памяти застрял лишь расплывчатый образ: фигура в капюшоне и глаза, будто покрытые тонкой сеткой трещин. Но у Ани оставалось кое-что важное — фотография. А на ней — имя: «Ветров».

Она добралась до мастерской, отперла дверь и щёлкнула выключателем. В цеху привычно пахло канифолью, свинцом и вьёвшейся в углы пылью — этот запах будто возвращал её к чему-то надёжному, земному. Аня подошла к своему столу, достала папку с отцовскими бумагами. Фотография лежала сверху, словно ждала этого момента. Она бережно разложила её на столе и включила лампу, выставив свет на максимум.

На снимке — десять человек. Все в тёмной одежде, лица

серьёзные, будто перед каким-то важным делом. В центре — отец, моложе, чем Аня привыкла его вспоминать. Рядом — женщина со светлыми волосами, за ней — мужчина в очках, дальше — ещё несколько незнакомых лиц. Аня вглядывалась в каждое, надеясь поймать хоть какой-то отголосок узнавания, хоть намёк на связь. Но всё было чужим.

Она перевернула фотографию. На обороте аккуратным отцовским почерком значилось: «Стражи. 2003». Ниже шёл список имён. Аня медленно прочитала их вслух, будто звуки самих слов могли открыть какую-то дверь:

— Ветров. Соколов. Радугин. Крылов. Дорохов. Белова. Штерн. Ветрова. Крылова. Орлов.

Два имени повторялись. «Крылов» — это отец. «Крылова», скорее всего, её мать. Аня нахмурилась. Мать она почти не помнила — та ушла из жизни, когда девочке было всего шесть. Но отец никогда не обмолвился, что она была одной из Стражей. Да и вообще он почти ничего не рассказывал о той, прежней своей жизни. В памяти Ани остались лишь обрывки: он работал на стекольном заводе, потом ушёл оттуда, потом заболел. А когда ей исполнилось девятнадцать, его не стало.

Аня достала телефон и принялась вбивать в поисковик один запрос за другим. «Ветров стекольный район» — пусто. «Ветров Стражи» — ничего. «Марк Ветров» — снова тишина. Она пробовала и другие слова: «стекло», «отражения», «печать», будто если подобрать правильную комбина-

цию, завеса тайны хоть чуть-чуть приоткрывается. Но интернет словно издевался над ней — молчал, будто этих людей и во все никогда не существовало.

Отложив телефон, Аня перевела взгляд на фотографию, а потом — на осколок, лежавший рядом на столе. Буквы «О» и «Т» тускло поблёскивали в свете лампы, складываясь в это навязчивое «Отдай». Она провела пальцем по стеклу. Холод был обычным, будничным — не тем леденящим холодом, что сковывал её ночью.

— Ладно, — проговорила она вслух, будто споря с самой собой. — Допустим, я сошла с ума. Допустим, ничего этого нет. Но тогда откуда взялся осколок? Откуда эти буквы?

Осколок, разумеется, молчал.

Аня встала и медленно прошлась по мастерской, будто надеялась, что движение поможет собрать мысли в кучу. Потом остановилась. В углу, за громоздким старым шкафом, стояла коробка — та самая, которую она не трогала уже три года. В ней хранились вещи отца: слишком личные, слишком тяжёлые, чтобы разбирать их в одиночку. Сейчас же она решительно вытащила коробку на середину комнаты, опустилась на пол и откинула крышку.

Внутри лежали блокноты, письма, фотографии и разные предметы — странные, непохожие на обычные инструменты: тонкие стеклянные стержни, медные кольца, резцы с зазубренными краями. Аня потянулась к папке с документами. Внутри оказались расчёты, схемы и карты. На одной из карт

город был исчерчен тонкими линиями, которые сходились в нескольких точках: одна — в стекольном районе, другая — в центре, третья — на окраине, возле старого театра.

Она перевернула карту. На обороте чьей-то твёрдой рукой была сделана приписка: «Трещины. Не входить без подготовки. Ветров, Крылов, Радугин».

Радугин... Это имя тоже значилось на фотографии. Аня нахмурилась. В нём было что-то до боли знакомое, будто она слышала его совсем недавно, но никак не могла вспомнить где. Имя засело в памяти, как заноза, не давая покоя.

Отложив карту, она взяла следующий блокнот — тонкий, с потрёпанной обложкой. На первой странице снова был тот же список имён. Только теперь напротив них стояли даты. Напротив Ветрова: «2003, назначен». Напротив Крылова: «2003, назначен». А напротив Радугина — «2003, исключён».

«Исключён», — повторила она про себя, переворачивая страницу. Дальше шли короткие, рубленые записи, будто сделанные в спешке: «Трещина на заводе. Запечатана. Потери: нет». «Трещина в театре. Запечатана. Потери: двое». «Радугин снова пытался открыть. Совет отказал». «Радугин ушёл. Говорит, вернётся». Каждая строчка будто добавляла ещё один кусочек к мозаике, которая пока оставалась непонятной, но уже начинала обретать очертания.

Аня читала, и у неё холодело внутри. Это были не просто записи. Это был дневник. Отец вёл его, когда был Стражем.

Он писал о трещинах, о печатях, людях, которые исчезали. Он писал о Радугине, который хотел открыть все трещины сразу. И он писал о Печати.

«Печать Стекла. Не предмет, а узор памяти. Его невозможно забрать силой — только по доброй воле либо через кровь. Мы спрятали его в ребёнке. Не скажу, в ком. Если Радугин доберётся до него — всё будет кончено».

Аня захлопнула блокнот. Руки предательски дрожали. Она по-прежнему сидела на полу среди разбросанных отцовских вещей и невидящим взглядом смотрела в стену. Теперь всё обретало смысл. Всё, что она видела этой ночью, было не бредом и не игрой уставшего воображения: мужчина в плаще, странные подростки, мерцающий свет, осколки, тающие в воздухе... И эти слова: «Она видит». Они заранее знали, что Аня способна видеть то, что скрыто от других. Знали, что она — дочь Стража.

Резко поднявшись, Аня сунула блокнот в карман куртки. Затем бережно собрала фотографию, карту и осколок — словно эти предметы были хрупкими, будто могли рассыпаться от одного неловкого движения. Вернув коробку на место, она задвинула её обратно за шкаф. Зачем? Она и сама не могла ответить: то ли чтобы никто другой не наткнулся на эти вещи, то ли чтобы не пришлось снова сталкиваться с ними самой.

На улице уже вовсю рассвело. Выйдя из мастерской, Аня остановилась, вдыхая прохладный утренний воздух. Перед

ней стояла одна задача — найти Марка. Но с чего начать, она не представляла. Взгляд упал на карту: одна из трещин тянулась к центру города, туда, где стоял старый театр; другая уходила на окраину, третья — к заводу. Но Марк не был разломом в реальности, он был человеком. Или чем-то большим, чем просто человек.

В памяти всплыли слова отца из сна: «Найди Марка. Он всё объяснит». Но он так и не сказал, где его искать. Аня задумалась. Если Марк — Страж, значит, его путь неизбежно связан с трещинами либо с другими Стражами. Она снова мысленно пробежалась по списку имён: Ветров, Соколов, Радугин, Крылов, Дорохов, Белова, Штерн, Ветрова, Крылова, Орлов.

«Ветров...» — имя крутилось в голове. Возможно, это и есть Марк, или кто-то из его родных. Аня пыталась выудить из памяти хоть какой-то намёк, хоть крошечный фрагмент, где она могла слышать это раньше. Ничего конкретного не находилось, но чувство узнавания не отпускало — будто она мельком видела фамилию в списке школьных друзей Димы или встречала её в старых бумагах. Точно вспомнить не получалось.

Она направилась домой, по пути заглянув в круглосуточный магазин. Купила хлеб и молоко — обычные, привычные вещи, которые на мгновение возвращали ощущение нормальной жизни. Дима уже должен был проснуться. Аня не знала, что ему сказать. Как объяснить, почему ушла из дома

на рассвете, будто за ней гнались тени. Может, вообще ничего не объяснять. А может, просто побыть рядом, не пытаясь ничего распутать.

Дома царила тишина. Дима сидел на кухне, уткнувшись в телефон. Перед ним стояла тарелка с недоеденным бутербродом.

— Ты где была? — спросил он, даже не поднимая глаз.

— В мастерской работала, — ответила Аня, стараясь говорить ровно, без дрожи в голосе.

— В такую рань?

— Заказов много накопилось.

Дима коротко кивнул. Было видно, что он не поверил ни единому слову. Аня заметила, как он крепче сжал телефон, будто тот мог удержать его в реальности. Но он не стал давить расспросами, не стал требовать правды. Он вообще редко спрашивал о чём-то всерьёз. Просто принимал то, что ему говорили, и жил дальше, будто вопросы только усложняли жизнь.

Иногда Аня ловила себя на мысли, что это она сама приучила его так жить. Приучила не задавать лишних вопросов, не лезть в чужие тайны, не требовать объяснений. Приучила молчать. И от этой мысли становилось особенно горько.

— Ты нормально? — спросила она.

— Нормально.

Он встал, взял рюкзак.

— Я пойду.

— Дим.

Он обернулся.

— Что?

Аня хотела сказать ему, чтобы он был осторожен. Хотела сказать, чтобы он не смотрел в зеркала. Хотела сказать, что кто-то охотится за ним. Но вместо этого сказала:

— Удачи в школе.

Он кивнул и вышел. Дверь хлопнула. Аня осталась одна. Она села на стул, положила перед собой фотографию и осколок. Буквы «О» и «Т» тускло блестели. Аня смотрела на них и думала: «Кто ты, Марк? И где мне тебя найти?»

Она провела в квартире весь день. Перебрала отцовские бумаги ещё раз, но не нашла ничего нового. Попробовала найти в интернете хоть какую-то информацию о Стражах, но натыкалась только на форумы про эзотерику и статьи о витражах. Ближе к вечеру она позвонила Дане — девушке, с которой иногда работала. Та не ответила. Аня оставила сообщение.

Дима вернулся в шесть. Вид у него был какой-то потухший — молчаливый, бледный, будто из него выкачали все силы. Аня встревоженно спросила, не случилось ли чего. Он отмахнулся: мол, ничего, просто устал. Потом ушёл к себе и не появлялся до девяти. Аня сидела на кухне и прислушивалась к его шагам — они то раздавались, то затихали, снова возникали где-то в глубине комнаты. Наконец звуки стихли совсем. Она тихонько заглянула к брату. Он лежал, закрыв

глаза. То ли спал, то ли старательно делал вид, что спит.

Вернувшись на кухню, Аня достала осколок. Буквы «О» и «Т» по-прежнему тускло поблёскивали, будто насмехались над её попытками всё объяснить. Она положила его на стол и устоялась в окно. В стекле отражалась кухня: стол, лампа, её собственное напряжённое лицо. И вдруг — на долю секунды — ей показалось, что за её спиной в отражении мелькнула чья-то фигура. Аня резко обернулась. В комнате никого не было.

— Показалось, — пробормотала она, стараясь унять дрожь в голосе.

Но она знала, что это не обман зрения. Уже видела такое раньше — той самой ночью. И понимала: это вернётся. Обязательно вернётся.

Аня снова взялась за телефон и принялась методично набирать один номер за другим. Сначала — номер мастерской. В трубке повисла глухая тишина. Потом — Дану. Снова без ответа. В конце концов она решилась на то, чего не делала уже три года: набрала номер отцовского друга. И опять — ни единого гудка, будто линия давно исчезла с карты города.

Отложив телефон, Аня обвела взглядом вещи, разложенные на столе: осколок с упрямыми буквами «О» и «Т», старую фотографию, карту. И вдруг её словно ударило осознание: она столько раз изучала эту карту, вглядывалась в линии, в точки схождения, в отметки трещин — и каждый раз пропускала самое важное. На ней не было адресов. А сейчас

ей отчаянно нужен был именно адрес живого человека, а не координаты разломов в реальности.

Она перевернула карту. В самом низу, написанная мелким, почти стёршимся от времени почерком, пряталась строчка, которую раньше она просто не замечала: «Ветров — старый завод, корпус 3. Спросить Марка».

Аня застыла, вчитываясь в эти слова. Старый завод, корпус 3... Это ведь совсем рядом — буквально в двух кварталах от её мастерской. Она сотни раз проходила мимо, не задумываясь, не приглядываясь, не веря, что за этими стенами может кто-то быть.

Резко поднявшись, она схватила куртку. На мгновение замерла, бросив короткий взгляд на дверь комнаты Димы. Из-за неё не доносилось ни звука — только густая, почти осязаемая тишина. Аня торопливо набросала на листке: «Ушла, скоро вернусь» — и оставила записку на столе. Затем вышла из квартиры.

На улице уже окончательно стемнело. Фонари горели через один, отбрасывая неровные, дрожащие пятна света на мокрые тротуары. Аня шагала быстро, не оборачиваясь, будто боялась, что если хоть на секунду замедлится, то страх или здравый смысл заставят её повернуть назад. Маршрут она знала наизусть: два квартала прямо, потом свернуть через двор, пройти мимо заброшенного цеха — того самого, где совсем недавно она искала ответы и находила лишь новые загадки.

У знакомых окон она ненадолго остановилась и мельком глянула на отражение в стекле. Внутри было пусто — ни таинственных силуэтов, ни мерцающего света, ни намёка на что-то сверхъестественное. Только улица, тёмные стёкла и её собственная тень, вытянувшаяся по асфальту.

Не задерживаясь, не пытаясь разглядеть скрытые знаки, Аня двинулась дальше — прямо к заводу. Корпус 3 прятался в глубине двора, за массивными главными воротами. Обогнув ржавый забор, она быстро отыскивала прореху в сетке и пролезла внутрь. Здесь царили глухая тишина и непроглядная темнота, а в воздухе густо пахло ржавчиной и мокрым бетоном — запахом забытых мест, где время будто остановилось.

Аня включила фонарик на телефоне. Узкий луч света вырвал из мрака груды обломков, кучи мусора и серые, облупившиеся стены. В глубине двора виднелся корпус 3 — невысокое, приземистое здание с забитыми фанерой окнами и железной дверью, которая была слегка приоткрыта, словно приглашала войти.

Подойдя ближе, Аня заметила, что внутри горит свет — тусклый, желтоватый, будто от старой лампы. Она толкнула дверь. За ней открылось помещение, похожее на мастерскую: столы, стеллажи, разложенные инструменты. На стенах висели карты, фотографии, какие-то схемы. В углу приютился старый диван. А на нём сидел парень — тот самый, из её видений. В капюшоне, с глазами, будто покрытыми тонкой

сеткой трещин.

Он медленно поднял голову и посмотрел на неё — и в этом взгляде не было ни удивления, ни растерянности. Казалось, он ждал её прихода уже давно.

— Ты пришла, — произнёс он спокойно, будто это было самое естественное событие на свете. — Я думал, ты догадаешься раньше.

Аня застыла в дверном проёме. Сердце колотилось где-то у самого горла, отдаваясь гулким стуком в висках. Она смотрела на него и чувствовала, как слова, теснившиеся в груди, рассыпаются, не успевая сложиться во фразы. Ей хотелось выкрикнуть десятки вопросов: кто он такой, что вообще происходит, где Дима... Но из всей этой бури мыслей наружу прорвалось только одно:

— Ты Марк?

Он коротко кивнул.

— Марк Ветров. Страж. Как и твой отец.

Аня сделала неуверенный шаг вперёд. Дверь за её спиной тихо, будто сама по себе, закрылась. Марк поднялся с дивана. Вблизи он оказался выше и куда более хрупким, чем представлялось ей раньше. А глаза... Да, они и правда были словно треснувшее стекло — будто внутри них что-то разлетелось на тонкие осколки, но так и не выпало наружу. Он смотрел на неё прямо — без страха, без излишней жалости, просто с тяжёлой, спокойной внимательностью.

— Ты увидела то, что не должна была видеть, — сказал

он, и в его голосе не было упрёка, только констатация факта.
— Но раз уж увидела — теперь ты в этом. И твой брат тоже.
— Где он? — выдохнула Аня, не в силах больше сдерживать тревогу. — Где Дима?

Марк нахмурился, на секунду будто даже растерялся.

— Он разве не с тобой?

— Он был дома. Или сейчас там. Я не знаю... Я ушла и оставила записку.

Марк резко подошёл к столу, схватил какой-то лист бумаги, мельком пробежал по нему взглядом, потом снова посмотрел на Аню. В его движениях появилась резкость, которой не было раньше.

— Тогда времени почти нет, — проговорил он твёрдо. — Они уже начали. А начинают они всегда с зеркал.

Холод пробрался под кожу, сковывая мышцы.

— Каких зеркал?

— Тех, что в твоей квартире, — ответил он, не сводя с неё взгляда. — Они треснули, верно? Ты видела буквы?

Аня молча кивнула, чувствуя, как пересохло в горле.

— «Отдай, что не твоё», — прошептала она.

Марк посмотрел на неё, и в этих треснувших глазах мелькнуло то, чего она никак не ожидала увидеть, — настоящий, неприкрытый страх.

— Они не играют в загадки, — сказал он жёстко. — Им нужна Печать. И они точно знают, где она.

Он шагнул к ней и взял за руку. Его ладонь была холод-

ной, неестественно холодной — как стекло, пролежавшее в темноте много лет.

— Аня, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза, — ты должна рассказать мне всё. Всё, что видела, всё, что знаешь, каждую мелочь, даже ту, что кажется бессмысленной. Потому что если мы не найдём твоего брата до полуночи, они доберутся до него первыми. А если Печать попадёт к ним... Это будет конец. Не только для тебя, но для всех.

В голове у Ани вдруг стало пусто — словно все мысли сдуло порывом ледяного ветра. Осталось только одно слово, тяжёлое и неизбежное: «полночь».

— Хорошо, — сказала она, голос прозвучал тише, чем хотелось, но твёрже, чем она ожидала. — Я расскажу.

Она опустилась на диван, чувствуя, как дрожат колени. Марк сел напротив, не отрывая от неё внимательного взгляда. Где-то за стенами завода гудел город, привычный и равнодушный. Где-то в её квартире мог спать Дима. Или не спать. Или его там уже не было. Аня не знала.

Но сейчас она знала одно: она больше не одна. И, возможно, именно это было самым важным.

Глава 4. Стражи

Марк не стал тратить время на предисловия. Он достал из-под стола потрёпанную карту города — такую же, как у отца Ани, только больше и подробнее, — и разложил её на столе. На карте были отмечены десятки точек: красные, синие, чёрные. Некоторые были перечёркнуты.

— Смотри, — сказал он, ткнув пальцем в красную точку в стекольном районе. — Это трещина. Та, что в цехе. Мы её запечатали три дня назад. Но она была не одна. Марк провёл пальцем по карте, указывая на другую точку — в самом центре города.

— Вот здесь, у старого театра, — тихо произнёс он, — главная трещина. Она открыта уже год. Мы не можем её закрыть. Пока не можем.

— Почему? — спросила Аня, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Потому что для этого нужна Печать, — Марк поднял на неё взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на тяжесть вины. — Та самая, которую твой отец спрятал в Диме.

Аня с трудом сглотнула. Эти слова она уже слышала — во сне, в полутьме, когда реальность казалась зыбкой и ненастоящей. Но сейчас их произносил живой человек, сидящий напротив, с усталыми, треснувшими глазами, и от этого смысл

становился тяжелее, осязаемое, страшнее.

— Расскажи мне всё, — попросил Марк, чуть наклонившись вперёд. — С самого начала. Что ты видела в цехе?

И Аня заговорила. Рассказала про мужчину в тяжёлом плаще, про троих в капюшонах, про свет, острый и колючий, словно игла. Про то, как мужчина рассыпался на осколки, будто был сделан из тонкого стекла. Про фразу, которая тогда прозвучала как приговор и как признание одновременно: «Она видит. Значит, своя». Она рассказала про утро, про треснувшие зеркала, про буквы, складывающиеся в злое «Отдай», про странный сон, про отцовские бумаги и карты, которые теперь казались не просто старыми документами, а частью какой-то огромной, пугающей мозаики.

Марк слушал, не перебивая. Он не делал поспешных выводов, не пытался её успокоить. Лишь изредка кивал — так, будто не узнавал новое, а подтверждал давно известное.

Когда Аня наконец замолчала, Марк откинулся на спинку стула, словно усталость вдруг навалилась на него всей своей тяжестью.

— Значит, ты видишь преломление, — произнёс он спокойно, но в этом спокойствии слышалась глубокая, выстрадавшая уверенность.

— Преломление? — переспросила Аня, цепляясь за слово, как за что-то, что могло придать всему этому хоть какой-то смысл.

— Трещины, — пояснил Марк. — Места, где мир живых

истончается, становится тонким, как стекло. Вот-вот разобьётся.

Он взял со стола осколок, который Аня принесла с собой, и медленно повертел его в пальцах. Свет лампы скользнул по граням, высветив внутри тонкую букву «О».

— Твой отец видел их так же, как ты, — продолжил Марк. — Он мог заметить трещину за целый квартал. Мог почувствовать, где она появится, ещё до того, как она откроется. Это редкий дар. У нас таких людей мало — тех, кто способен видеть эти разрывы.

— У нас? — тихо переспросила Аня.

Марк усмехнулся. Впервые за весь разговор. Улыбка вышла кривой, безрадостной, будто он и сам не верил в то, что улыбается.

— У Стражей, — сказал он. — Мы называем себя Пепельными. Или Стеклянными. Зависит от того, какая у тебя печать. Наша — Стеклянная. Мы — потомки тех, кто когда-то заключил договор с духами отражений. Мы можем видеть трещины. Можем запечатывать их. А можем уничтожать искажения, которые успевают проскользнуть сквозь них.

— Искажения? — повторила Аня, будто пробуя слово на вкус.

— Сущности, которые проникают через трещины, — объяснил Марк, и голос его стал жёстче, будто он отгонял от себя что-то неприятное. — Они питаются памятью. Не всей сразу, а по крупицам. Сначала мелочи: где лежат ключи, ка-

кой сегодня день, как зовут соседа. Потом — лица. Имена. События. Человек начинает терять себя. Потом забывает, кто он. А потом... потом он сам становится искажением. Телом. Голосом. Отражением. Чем-то, что лишь притворяется человеком.

Аня вспомнила треснувшие зеркала в своей квартире, буквы, проступающие в трещинах, холодный шёпот тишины. Её бросило в дрожь.

— Значит, то, что было у меня дома... — проговорила она едва слышно.

— Да, — кивнул Марк, не давая ей надеяться на другое объяснение. — Это искажение. Одно из тех, что охотятся за Димой. Они знают, что Печать спрятана в нём. И они пытаются её достать.

— Как? — спросила Аня, хотя боялась услышать ответ.

— Через отражения, — Марк встал и подошёл к стене, где висели фотографии, схемы, обрывки записей. — Через стекло. Через память. Это их путь.

Он на секунду замер, будто собираясь с мыслями, а потом продолжил:

— Они начали с зеркал — это их стандартный приём.

Сначала в стекле появляются тонкие трещины, будто реальность даёт слабину.

Потом проступают буквы — простые, но от этого ещё более пугающие.

Затем они пытаются войти в контакт, подбирая слова, ко-

торые найдут отклик.

Могут предложить что-нибудь заманчивое — обещание, от которого трудно отказаться.

Или кого-нибудь — знакомое лицо, воспоминание, которое ты давно считала утраченным.

Всё это нужно, чтобы заставить тебя поверить, хоть на миг потерять осторожность.

А одного мига достаточно, чтобы открыть дверь.

Аня нахмурилась.

— Кого?

— Того, кого ты хочешь увидеть. — Марк обернулся. — Твоего отца, например.

Аня замерла. Она вспомнила сон. Отец стоял перед ней, молодой, серьёзный. Он говорил с ней. Он сказал: «Найди Марка». Он сказал: «Береги Диму». Он сказал: «Я спрятал её в нём».

— Это был не сон, — прошептала она.

— Что?

— Мне приснился отец. Сегодня ночью. Он сказал, чтобы я нашла тебя. Он сказал, что Печать в Диме. Он сказал... — Аня запнулась. — Он сказал, что просит прощения.

Марк медленно подошёл к ней. Сел на корточки, чтобы смотреть в глаза.

— Твой отец мёртв, Аня, — сказал он тихо. — Но искажения могут принимать облик мёртвых. Они берут воспоминания и делают из них кукол. Если ты видела его во сне —

это могло быть искажение. Оно пыталось тебя использовать.

Аня покачала головой.

— Нет. Это был он. Я знаю. Он был настоящий.

Марк не стал спорить. Он просто смотрел на неё. В его треснувших глазах было что-то, чего она не могла прочесть. Жалость? Сомнение? Или что-то ещё.

— Ладно, — сказал он наконец. — Допустим, это был он. Тогда у нас ещё меньше времени, чем я думал. Если твой отец смог пробиться через сон, значит, он знал, что ты в опасности. И он знал, что Дима — ключ.

Он встал, подошёл к столу, взял телефон.

— Мне нужно позвонить, — сказал он. — У нас есть команда. Дана и Тимур. Они помогут.

— Дана? — Аня нахмурилась. — Я знаю Дану. Она работает со мной в мастерской. Она витражница.

Марк кивнул.

— Она Страж, как и ты. Только она не видит преломление. Она видит память. Она запоминает всё, что видит, и может находить в этом то, что другие пропускают.

Аня вспомнила Дану — тихую девушку с короткими тёмными волосами и внимательными глазами. Она всегда молчала, всегда работала одна, всегда смотрела на стекло так, будто видела в нём что-то большее, чем цвет и свет. Теперь Аня понимала почему.

— А Тимур?

— Тимур — бывший подрывник, — коротко обронил

Марк, набирая номер. — Он вскрывает всё: двери, стены, а если надо — и чужие секреты. Любит сыпать вопросами, порой чересчур. Но на него можно положиться.

Телефон щёлкнул, отзываясь на том конце. Марк отошёл в тёмный угол комнаты и заговорил быстро, приглушённо, почти шёпотом. Аня не вслушивалась в слова. Её взгляд намертво прилип к карте: к красным точкам, чёрным отметкам, перечёркнутым участкам. Одна точка светилась в стекольном районе, другая — возле старого театра, третья — на далёкой окраине, куда она никогда не заглядывала.

Она вытащила телефон и набрала номер Димы. В трубке потянулись долгие, тягучие гудки — бесконечные, пустые. Никто не отвечал. Аня нажала «повтор» — результат был тот же.

— Марк, — голос её прозвучал резко, будто она пыталась этим звуком прогнать нарастающую панику, — Дима не берёт трубку.

Марк обернулся. Разговор был окончен. На его лице застыло напряжённое, собранное выражение — будто он уже просчитывал десятки вариантов, и ни один из них не нравился.

— Дана и Тимур будут здесь через полчаса, — сказал он. — Они живут неподалёку. Но есть проблема.

— Какая ещё проблема? — спросила Аня, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

— Они видели искажение у твоего дома. Большое и оно

уже там.

Аня вскочила, будто подброшенная невидимой силой.

— Надо ехать прямо сейчас!

— Стой! — Марк шагнул к ней и крепко, но без грубости схватил за руку. — Нельзя врываться туда вдвоём. Искажение чувствует Стражей. Если придём только мы — оно либо сбежит, либо ударит. Нам нужны Дана и Тимур.

— У нас нет этих тридцати минут! — Аня резко выдернула руку, голос сорвался на крик, в котором слышался не гнев, а отчаяние. — Дима там один! Он не Страж, он не знает, что происходит, не понимает, как защититься. Он просто мальчик!

Марк посмотрел на неё. В его взгляде вдруг мелькнуло то, чего Аня никак не ожидала — глубокое, выстраданное понимание.

— Я знаю, — тихо произнёс он, и в этих словах не было попытки её успокоить — только горькая правда. — У меня тоже был брат. И он... стал искажением. Я не успел его спасти. Не смог удержать.

Он помолчал, будто давая этим словам осесть в тишине комнаты.

— И я не хочу, чтобы это повторилось, — добавил он чуть твёрже.

Аня замерла. Она смотрела на Марка и вдруг увидела в нём не просто сурового Стража, а человека, который когда-то стоял на её месте — и проиграл. Они все были изра-

нены, только раны у всех прятались по-разному: у неё — в потере отца, у Димы — в сиротстве, у Марка — в вине, которую он носил годами.

— Хорошо, — проговорила она, сглатывая ком в горле. — Полчаса. Но потом мы едем.

— Полчаса, — кивнул Марк.

Эти тридцать минут растянулись в тягучую, звенящую тишину. Марк собирал сумку: доставал странные инструменты, стеклянные стержни, медные кольца, маленькие зеркала в аккуратных оправках — будто собирался не на спасение, а на сложный, опасный ритуал. Аня сидела, смотрела на него и думала о Диме: о том, как он сонно щурился утром, как бросил ей невзначай: «Ты какая-то странная», о том, как она так и не нашла слов, чтобы рассказать ему правду.

Она снова достала телефон и напечатала: «Ты дома?» Ответа не было. Написала ещё: «Дим, ответь, пожалуйста». Тишина.

— Не надо, — не оборачиваясь, тихо сказал Марк. — Если искажение уже там, связь будет глушиться. Это первое, что они делают — отрезают человека от мира.

Аня убрала телефон, опустилась на диван и попыталась выровнять дыхание. Но сердце билось где-то в горле, мешая даже просто сидеть спокойно.

Спустя двадцать минут дверь распахнулась. На пороге стояла Дана — та самая тихая девушка из мастерской, только сейчас в ней не осталось ни капли привычной замкнутости.

Она выглядела собранной, жёсткой, готовой к действию. На ней была тёмная куртка, в руках — сумка, очень похожая на ту, что собирал Марк. За ней в комнату шагнул высокий парень с растрёпанными волосами и насмешливым, но цепким взглядом — Тимур. На нём была кожаная куртка, за плечом висел рюкзак.

— Значит, это правда, — сказала Дана, глядя прямо на Аню. — Ты — Страж.

— Я не знаю, кто я, — ответила Аня, и в этом признании прозвучала вся её растерянность.

— Разберёмся позже, — махнул рукой Тимур. — Марк, что у нас по ситуации?

Марк развернул карту на столе.

— Искажение у дома Ани. Крупное, скорее всего, не одно. Их цель — мальчик. Нам нужно войти, запечатать трещину и вытащить его.

— Или то, что от него останется, — буркнул Тимур, будто проверяя, насколько все готовы к худшему.

— Тимур, — строго одёрнула его Дана.

— А что? Я просто смотрю на факты. Если искажение держится там уже час, шансы...

— Он жив, — резко перебила Аня, и голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. — Я знаю.

Тимур посмотрел на неё — и в его взгляде вдруг не осталось насмешки, только прямой, острый вопрос. Он всегда задавал вопросы — это была его броня и его оружие.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я его сестра, — ответила Аня, выдерживая этот взгляд. — И потому что Печать всё ещё при нём. Если бы они её забрали, мы бы уже почувствовали. Мы бы знали.

Марк молча кивнул — как будто эти слова, простые и упрямые, стали для него самым весомым аргументом.

— Она права, — кивнул Марк. — Если бы искажение завладело Печатью, трещины расползлись бы по всему городу, как паутина. Этого не случилось. Значит, Дима пока ещё держится.

— «Пока», — подчеркнул Тимур, выделяя слово с нарочитой чёткостью. — Вот это и тревожит.

— Довольно, — резко оборвала Дана. — Мы тратим время на споры, а оно сейчас дороже всего.

Спустя десять минут они покинули корпус. Марк уверенно шагал впереди, Дана держалась рядом с ним, Тимур замыкал цепочку, насторожённо оглядываясь по сторонам. Аня шла между ними, крепко сжимая в кармане осколок со странными буквами. Стекло было ледяным — холоднее, чем прежде, будто впитывало в себя самую тьму.

До дома оставалось двадцать минут пешком. Они преодолели этот путь в полной тишине. Город будто затаился: фонари горели через один, в большинстве окон царила темнота. Аня скользила взглядом по этим окнам и думала о том, сколько из них уже тронуты трещинами, сколько людей незаметно теряют себя, забывая лица тех, кого любили, сколько

воспоминаний уже стёрлось в их памяти.

У подъезда они замерли. Аня подняла глаза: в её окнах горел свет. Она никогда не оставляла его включённым.

— Он там, — проговорила она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала.

— Или то, что его подменяет, — буркнул Тимур.

Марк достал из сумки стеклянный стержень — длинный, тонкий, с медным кольцом на конце. Внутри стекла мерцал приглушённый свет, словно в нём пряталась крошечная звезда.

— Это временная печать, — пояснил он. — Одноразовая. Если трещина окажется слишком большой, она может не сработать. Но мы обязаны попробовать.

— А если не сработает? — спросила Аня, и в голосе её прозвучала не паника, а холодная решимость.

— Тогда попробуем другую, — спокойно ответила Дана. — У нас есть запас.

Они поднялись по лестнице. Аня шла первой, пальцы дрожали, но движения оставались чёткими. Она достала ключи, вставила в замок, повернула. Дверь послушно открылась.

В квартире стояла неестественная тишина — такая плотная, что она почти давила на уши. На кухне горел свет. Аня шагнула вперёд, Марк — сразу за ней. Дана и Тимур замерли в прихожей, готовые к любому повороту.

На кухне никого не было. Только тарелка с недоеденным бутербродом, чашка с давно остывшим чаем и телефон Ди-

мы рядом. Экран был разбит: трещины расходились от центра, напоминая паутину, сплетённую из пустоты.

— Дима? — позвала Аня, и её голос прозвучал в этой тишине слишком громко, почти отчаянно.

Ответа не последовало.

Она направилась к его комнате. Дверь была приоткрыта, внутри горел свет. Постель смята, на полу валялся рюкзак. А на стене... Аня замерла. На обоях отчётливо виднелся отпечаток ладони — будто кто-то прижал руку к стене изнутри, выжигая след. Он был больше, чем тот, который она заметила утром. Рядом с ним темнели выжженные буквы: «Отдай, что не твоё».

Земля будто качнулась под ногами. Аня вцепилась в стену, чтобы не упасть. Марк тут же подошёл и положил руку ей на плечо — не для утешения, а чтобы удержать, не дать сорваться.

— Он жив, — сказал Марк твёрдо, без лишних слов. — Они не убили его. Они утянули его в трещину.

— Куда именно? — прошептала Аня.

— В мир отражений, — ответил Марк, не сводя глаз с отпечатка на стене. — Туда, где обитают искажения. Смотри: они оставили этот знак специально. Хотят, чтобы мы пришли за ним. Это ловушка.

— Значит, не пойдём, — отозвался Тимур из коридора. — Найдём другой способ.

— Нет, — резко сказала Аня, выпрямляясь и сбрасывая

с себя оцепенение. — Мы пойдём.

Марк обернулся к ней, в его взгляде читалась борьба: желание уберечь и понимание, что её не остановить.

— Аня...

— Он мой брат, — проговорила она чётко, будто каждое слово было гвоздём, вбитым в решение. — Я не брошу его там. Я пойду.

Дана подошла ближе и посмотрела на неё пристально, будто пыталась прочесть в её глазах, хватит ли сил.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила она тихо, но жёстко. — Если ты шагнёшь в трещину, ты можешь не вернуться. Мир отражений не щадит никого. Он стирает память, размывает личность, забирает тебя по частям.

— Я знаю, — ответила Аня, не отводя взгляда. — Но я всё равно пойду.

Марк тяжело вздохнул, а потом коротко кивнул.

— Хорошо. Но ты не пойдёшь одна. Мы все пойдём с тобой.

Тимур хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — скорее горькое принятие неизбежного.

— Я так и знал, что до этого дойдёт.

Дана ничего не сказала. Она просто смотрела на Аню, и в её взгляде мешались сразу несколько чувств: уважение к её смелости и страх за то, что может случиться.

— Значит, решено, — подвёл итог Марк. — Сначала найдём саму трещину. Потом войдём. И вытащим Диму.

Аня кивнула. Она обвела взглядом комнату: отпечаток на стене, зловещие буквы, разбитый телефон — всё это казалось теперь не просто следами, а посланиями, знаками, ведущими туда, куда она боялась ступить. И всё же она знала: настоящее испытание начнётся не здесь. Оно ждёт за стеклом, в мире, где живут отражения и тени.

Она была готова. Или, по крайней мере, верила, что готова.

Глава 5. За стеклом

Они стояли в комнате Димы, и тишина становилась всё плотнее. Аня смотрела на отпечаток ладони на стене — выжженный, бурый, с тонкой сеткой трещин вокруг. Он был похож на след, который оставляет человек, если прижать руку к раскалённому стеклу и держать, пока кожа не начнёт плавиться.

— Это не просто ловушка, — сказала Дана. Она подошла к стене, наклонилась, посмотрела на отпечаток вблизи. — Это приглашение. Они хотят, чтобы мы вошли.

— Значит, мы войдём, — повторила Аня.

Тимур хмыкнул из коридора.

— Ты повторяешься. Это плохой знак. Обычно так говорят люди, которые не понимают, на что подписываются.

— А ты понимаешь? — огрызнулась Аня.

— Я понимаю, что мы идём в мир, где всё построено на памяти. Где нет времени, нет пространства, нет правил. Где можно забыть, как дышать, и не заметить. — Тимур вошёл в комнату, прислонился к дверному косяку. — Я там был. Один раз. Больше не хочу.

— И всё же идёшь, — сказал Марк.

— Ладно, я с вами, — Тимур пожал плечами, будто сбрасывая с себя остатки сомнений. — В конце концов, мне просто любопытно. Да и привычка у меня такая — задавать во-

просы. Иногда даже не вовремя.

Марк не стал тратить время на разговоры. Он шагнул в прихожую, распахнул сумку и один за другим достал стеклянные стержни с медными кольцами — первый, второй, третий. Аккуратно разложил их на полу, словно выкладывал перед собой план битвы.

— Слушайте меня внимательно, — произнёс он жёстко, не терпящим возражений тоном. — Объясню один раз, и всё. Скорее всего, трещина находится в ванной. Там было зеркало, а искажения обожают зеркала — для них это идеальные двери.

Аня тут же вспомнила ванную: зеркало над раковиной, полотенце, которым она его завесила. Полотенце до сих пор там, она так и не решилась проверить, что прячется под ним.

— Мы пройдем через него, — продолжил Марк, голос звучал ровно, будто он перечислял обычные бытовые дела, а не план проникновения в опасный мир. — Но сначала — предупреждение. Мир отражений — это не место в привычном смысле. Там нет улиц, домов, неба. Там существует только то, что хранится в вашей памяти, и то, что помнят искажения. Они будут играть на ваших чувствах. Будут показывать то, чего вы больше всего хотите увидеть. Будут говорить голосами тех, кого вы любите. Не верьте ни единому слову. Ни единой картинке.

— Но как тогда мы отыщем Диму? — спросила Аня, и в её голосе прозвучала не паника, а упрямая надежда.

— По следу, — спокойно ответила Дана, будто речь шла о чём-то обыденном. — Я запомнила каждую мелочь, связанную с ним: его вещи, запах, даже то, как ложилась тень от его фигуры. В мире отражений этого хватит, чтобы найти его.

— А если его там уже нет? — вставил Тимур, и на этот раз в его вопросе не было привычной насмешки — только холодная практичность.

— Тогда мы найдём то, что от него осталось, — жёстко сказал Марк. — И запечатаем трещину, чтобы никто больше не смог через неё пройти.

Аня хотела возразить, снова сказать, что Дима жив, что она чувствует это каждой клеточкой. Но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула.

— Что мне нужно делать? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ты будешь нашим главным ориентиром, — ответил Марк, глядя ей прямо в глаза. — Ты видишь преломление. В том мире это редкий дар. Ты сможешь заметить трещины, которые мы пропустим. Сможешь отыскать выход, если мы вдруг потеряемся. И самое важное — ты увидишь искажения раньше, чем они успеют заметить нас.

— А если я не справлюсь? — прошептала Аня, и сама испугалась, насколько честно прозвучал этот страх.

— Тогда у всех нас будут большие проблемы, — буркнул Тимур.

Дана метнула на него строгий взгляд. Тимур тут же поднял

руки, словно сдаваясь.

— Всё, молчу. Больше ни слова.

Марк взял один из стеклянных стержней и протянул его Ане.

— Держи. Это временная печать. Одноразовая. Если увидишь трещину, которую нужно закрыть, — воткни стержень точно в центр. Стекло сработает само, тебе не придётся ничего делать.

Аня сомкнула пальцы вокруг стержня. Он оказался неожиданно лёгким, почти невесомым. Внутри стекла мерцал слабый голубоватый свет, похожий на отблеск далёкой звезды.

— А если трещина окажется больше, чем печать? — спросила она, не сводя глаз с этого мерцания.

— Тогда беги, — сказал Марк без тени иронии. — Беги и ни в коем случае не оглядываясь.

Они двинулись в ванную. Комната была тесной, с белым кафелем и старой раковиной. Зеркало в пластиковой раме по-прежнему висело над ней. Полотенце, которым Аня его закрыла, потемнело, казалось почти мокрым, будто впитало в себя сырость и страх. Марк осторожно снял его.

Зеркало теперь выглядело иначе. Оно не было разбито и даже не покрыто трещинами. Оно стало абсолютно чёрным — как густая, непроглядная пустота, в которой не отражалось ничего: ни света, ни лиц, ни мира. Только бездонная тьма.

— Оно уже открыто, — тихо произнёс Марк, и в этом спокойствии слышалась настоящая тревога. — Они не стали ждать.

— Это очень плохо? — спросила Аня, чувствуя, как холод ползёт по спине.

— Это значит, что они уверены в себе, — ответил Марк, не отводя взгляда от чёрного стекла. — Они думают, что мы не решимся прийти. Или что, если придём, не сможем вернуться.

Он достал из сумки маленькое зеркальце в медной оправе, поднял его, мельком глянул в него, а потом повернулся к Ане.

— Смотри на меня, — сказал он твёрдо. — Только на меня. Не на зеркало. Ни в коем случае не смотри в него.

Аня вгляделась в лицо Марка. Он был бледен, черты будто заострились от усталости, но в глазах горела такая твёрдая решимость, какой она не встречала ни у кого — даже у отца.

— Когда мы окажемся по ту сторону, — сказал Марк, и голос его звучал ровно, будто он давал самые обычные наставления, — держись вплотную ко мне. Не отпускай мою руку ни на секунду. Не смотри в отражения. И не слушай никакие голоса. Что бы ты ни увидела, что бы ни услышала — помни: это не настоящая реальность. Это лишь стекло. А стекло, каким бы крепким оно ни казалось, можно разбить.

— Хорошо, — тихо ответила Аня, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Марк обернулся к остальным.

— Дана, Тимур, вы знаете, что делать.

Дана коротко кивнула. Тимур тяжело вздохнул, будто сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Конечно, знаем, — пробурчал он. — Войти, отыскать, выбраться. Как всегда. Только на этот раз есть реальный шанс, что выбраться не получится.

— Тимур, — строго оборвала его Дана, сверкнув взглядом.

— Ладно, молчу, — он поднял руки, словно сдаваясь.

Марк снова повернулся к зеркалу. Поднял стеклянный стержень — и вдруг свет внутри него вспыхнул ярче, будто откликнулся на близость опасности. Марк коснулся стержнем чёрной поверхности.

Зеркало пошло рябью — точно так, как идёт вода, если бросить в неё камень. По чёрной глади побежали тонкие светящиеся трещины, они ширились, множились, и за ними постепенно открывалось нечто совсем иное. Не отражение ванной комнаты, не отражение Ани — что-то холодное, светлое, бесконечно протяжённое.

— Пошли, — коротко бросил Марк.

Он шагнул вперёд — и растворился в этой странной белизне.

Аня не успела даже испугаться по-настоящему: Дана тут же крепко взяла её за руку.

— Не бойся, — проговорила она тихо, но твёрдо. — Про-

сто сделай шаг.

Аня шагнула.

Мир вокруг менялся не рывком, а постепенно, словно она медленно погружалась в прозрачную, ледяную воду и только потом открывала глаза. Сначала накатил холод. Потом разлился яркий, почти режущий свет. А следом всё вокруг обрело резкость, чёткие контуры.

Она стояла в знакомом коридоре — в том самом, который только что покинула. Тот же линолеум, те же обои, та же вешалка с куртками. Но всё было... не таким. Свет казался неестественно белым, тени — слишком резкими, будто нарисованными по линейке. А тишина была абсолютной, звенящей: ни гула холодильника, ни голосов соседей, ни далёкого шума улицы за окном. Только эта странная, пустая тишина.

— Это не твоя квартира, — сказал Марк. Он стоял рядом, по-прежнему крепко держа её за руку. — Это её отражение. Копия. Понимаешь? Искажения не умеют создавать что-то новое. Они лишь повторяют то, что успели запомнить. Строят эти копии из чужих воспоминаний. Поэтому здесь всё выглядит знакомо — но на самом деле это подделка.

Аня вглядывалась в стены, в знакомые обои, в привычную вешалку — всё стояло на своих местах, будто ничего не изменилось. И всё же что-то неуловимо сбивало с толку. Она не сразу поняла, в чём дело, а когда осознала — внутри всё сжалось. На стенах не было фотографий. Ни одной. Только

пустые рамы, словно кто-то аккуратно вынул из них воспоминания.

— Они стёрли то, что было важно, — тихо сказала Дана, застыв у двери в комнату Димы. — Забрали все воспоминания. Всё, что делало это место живым.

Аня сделала шаг в комнату. Постель, рюкзак, стол — на своих местах. Но стены стали пустыми: ни плакатов, ни рисунков, ни снимков. Только голая пустота, от которой становилось холодно.

— Где он? — спросила она, и голос прозвучал непривычно глухо.

— Дальше, — ответил Марк, не сводя взгляда с коридора. — Это только вход. Они не держат его здесь. Нам нужно идти глубже.

— Куда глубже? — Аня невольно сжала кулаки.

— К центру, — сказал Марк. — Туда, где трещина смыкается с миром отражений. Это узел, точка соединения.

Он отпустил её руку и достал из сумки маленький фонарик. Свет в этом месте работал странно — он не просто освещал, а будто проявлял скрытое, выхватывал из пустоты то, что не хотел показывать мир.

— Держитесь рядом, — предупредил Марк.

Они вышли из квартиры. Подъезд выглядел точно так же: лестница, перила, почтовые ящики. Но за окнами не было улицы. Вместо неё тянулась серая, плотная муть — не туман, а что-то более густое, бесконечное, будто само пространство

здесь теряло смысл.

— Не смотри туда, — резко бросил Тимур. — В этих окнах можно увидеть то, чего лучше не знать.

Аня поспешно отвела взгляд. Они спустились по лестнице, вышли из подъезда — и замерли.

Перед ними лежала не улица, а её искажённое отражение. Дома стояли не вдоль дороги, а поперёк, будто кто-то перевернул город. Фонари светили не вниз, а вверх, бросая странные лучи в серое небо. Дорога не уходила вдаль — она поднималась, стремясь к этому низкому, давящему потолку, похожему на небо лишь названием. А само небо казалось крышкой, накрывшей весь мир.

— Добро пожаловать в мир отражений, — усмехнулся Марк без веселья. — Вид, прямо скажем, не для открыток.

— Это всё... из памяти? — прошептала Аня, пытаясь уложить в голове то, что видела.

— Из памяти искажений, — ответила Дана. — Они помнят город, но иначе. Для них он — лабиринт, путаница линий и углов. А для нас он может стать картой. Если будем внимательны, найдём дорогу.

— А если не будем? — спросила Аня, и сама услышала, как дрогнул голос.

— Тогда станем частью этого лабиринта, — буркнул Тимур. — Но давай пока не будем примерять эту судьбу.

Они двинулись вперёд. Аня смотрела по сторонам, и с каждым шагом мир вокруг становился всё более чужим. До-

ма меняли углы, стояли под странными наклонами. Тени падали не туда, куда должны были. В окнах мелькали силуэты — то ли люди, то ли что-то другое, — но стоило присмотреться, и они растворялись, словно их и не было.

— Не задерживай на них взгляд, — предупредил Марк. — Они чувствуют внимание. Оно для них как маяк.

Аня отвернулась. Они прошли один квартал, потом ещё один. Город вокруг менялся, как живое существо, не способное удержать форму. Дома вытягивались вверх, потом оседали, потом исчезали вовсе. Улица превращалась в туннель, туннель — в коридор, коридор — в комнату, комната — в поле. Всё было текучим, неустойчивым, будто этот мир не знал, каким ему быть, и пробовал разные облики наугад.

— Это... нормально? — спросила Аня, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— В мире отражений нет ничего нормального, — спокойно ответила Дана.

Они остановились на краю поля. Впереди темнел лес — густой, непроглядный, чужой. Деревья в нём и не были деревьями вовсе: их ветви походили на стекло, листья — на острые осколки. Они тонко звенели на ветру, и этот звук резал слух, был болезненным, почти жалобным.

— Там, — проговорила Дана, не отрывая взгляда от леса. — Я чувствую его. Диму. Его тень там. Слабая, но живая.

— Ты уверена? — спросил Марк, напряжённо вглядываясь в темноту между стволами.

— Я запомнила его тень, — сказала Дана твёрдо. — Она там.

Аня шагнула вперёд. Марк тут же схватил её за руку.

— Стой. Это ловушка. Лес — это искажение. Оно не хочет, чтобы мы прошли. Оно ждёт нас.

— Но Дима там, — возразила Аня, вырывая руку. — И они знают, что мы придём. Значит, мы не имеем права стоять и ждать.

Она пошла вперёд, не оглядываясь. Стеклянные ветви звенели, когда она проходила мимо. Осколки срывались и падали, разбиваясь о землю с тихим, злым звоном. Аня не замедляла шаг. Марк, Дана и Тимур шли за ней.

В лесу стало тихо. Слишком тихо. Даже звон стекла стих, будто сам воздух здесь умел глотать звуки. Аня шла и чувствовала на себе взгляды — не один, а множество. Десятки, сотни невидимых глаз, следивших за каждым её движением. Она не видела их, но ощущала кожей.

— Аня, — голос Марка прозвучал резко, властно. — Стой.

Она остановилась и обернулась. Марк смотрел не на неё. Он смотрел вглубь леса, туда, где между стеклянными стволами что-то двигалось. Большое, тёмное, тяжёлое — оно скользило между деревьями, меняя очертания.

— Беги, — коротко и жёстко сказал Марк.

И в тот же миг лес взорвался движением.

Глава 6. Лес осколков

«Взорвался» — слишком простое слово для того, что случилось. Лес не просто взорвался — он ожил, будто кто-то дёрнул за невидимую нить, и вся эта стеклянная чаща пробудилась от зловещего сна. Стеклянные деревья задрожали, их ветви изогнулись, задвигались, словно сотни тонких щупалец, пробувающих воздух. Со всех сторон, будто выпущенные из невидимых пращей, полетели осколки. Они не падали — они летели целенаправленно, хищно, рассекая пространство с тонким, леденящим свистом. И в этот миг Аня вдруг поняла одну жуткую вещь: стекло здесь было не стеклом, а лезвием, и мир отражений не щадил никого.

— Вправо! — рявкнул Марк.

Он схватил её за руку и рванул в сторону с такой силой, что у Ани потемнело в глазах. Осколок, который должен был резаться ей в лицо, с сухим треском ударил в ствол ближайшего дерева и рассыпался на сотни мелких искр. Аня споткнулась о стеклянный корень, но Марк не дал ей упасть — его хватка была железной, безжалостной, но именно она держала её на ногах. Рядом уже мчались Дана и Тимур: Дана пригнулась, будто пыталась стать меньше, незаметнее, а Тимур на ходу выхватывал что-то из рюкзака, пальцы его двигались с отработанной быстротой.

— Что это?! — выкрикнула Аня, голос сорвался от страха

и ветра, который вдруг стал острым, как битое стекло.

— Искажения! — Марк не оборачивался, он вёл их сквозь хаос, доверяя чутью, отточенному годами выживания. — Лес сам стал искажением! Не останавливайся!

Они неслись сквозь стеклянные заросли. Осколки сыпались со всех сторон, как град изо льда и света. Аня краем глаза увидела, как один из них врезался в руку Даны — та вздрогнула, вскрикнула, но не замедлила шаг. Кровь на её ладони казалась неправдоподобно яркой, почти неестественно алой на фоне холодного, мертвенного блеска стекла.

— Тимур! — крикнул Марк, голос его пробивался сквозь свист и хруст.

— Уже! — Тимур швырнул что-то назад — маленький стеклянный шарик, похожий на застывшую слезу. Он ударился о землю и вспыхнул ослепительно белым светом, будто внутри него зажглось миниатюрное солнце. Осколки, летевшие прямо на них, на секунду замерли в воздухе, повисли, как мухи в янтаре, а потом рухнули вниз, бессильно звякнув.

— Долго не продержится! — бросил Тимур, тяжело дыша. — У меня ещё два!

— Держи до последнего! — Марк резко свернул влево, увлекая Аню за собой по узкой, едва заметной тропе между стволами. — Нам нужно найти укрытие!

Аня не понимала, куда они бегут. Лес казался одинаковым со всех сторон — стеклянные стволы, стеклянные ветви, стеклянные осколки под ногами, которые хрустели, как

чьи-то сломанные кости. Но Марк, похоже, видел то, чего не видели остальные: он петлял между деревьями, угадывая невидимые проходы, и постепенно свист осколков стал тише, а их полёт — реже. Лес будто терял к ним интерес, или просто набирал силы для нового удара.

Наконец они остановились у огромного дерева — если это вообще можно было назвать деревом. Его ствол был толстым, прозрачным, как гигантская ледяная колонна, а внутри, в толще стекла, клубился серый туман, медленно кружась, будто живое сердце, бьющееся в плену. Аня прислонилась к нему, чувствуя, как холод пробирается сквозь куртку, и пыталась отдышаться. Руки дрожали мелкой, неукротимой дрожью, ноги будто превратились в вату.

— Все целы? — голос Марка звучал жёстко, но в нём слышалось облегчение.

— Рука, — сказала Дана, осторожно придерживая ладонь. Кровь сочилась сквозь пальцы, но она не жаловалась, только морщилась от боли. — Но жить буду.

— Дай посмотрю. — Марк подошёл к ней, достал из сумки бинт и начал быстро, уверенно перевязывать рану. — Тимур?

— Цел, — буркнул Тимур, не опуская взгляда. Он стоял на страже, вглядываясь в стеклянную чашу, будто ждал, что лес снова нападёт в любую секунду. — Но они не ушли. Они там ждут.

— Кто они? — прошептала Аня, голос её звучал непри-

вычно тихо на фоне только что отгремевшего хаоса. — Что это было?

— Лес — это искажение, — Марк закончил перевязку, аккуратно убрал бинт и выпрямился. Его взгляд был холодным, предельно собранным, будто он смотрел не на собеседников, а сквозь них — туда, где опасность была не абстрактной, а реальной и близкой. — Одно из самых больших. Из тех, что навсегда поселились в трещинах. Оно не просто копирует город — оно охотится. Осколки — это его зубы, его когти, его голос. Если бы мы не успели уйти, оно бы начало пожирать нас — по кусочку, по капле, по каждому воспоминанию, пока от нас ничего не осталось бы.

— Съело? — Аня посмотрела на лес. Теперь он стоял тихо, неподвижно, почти благообразно. Слишком тихо и неподвижно. В этой тишине чувствовалась угроза, как в затишье перед бурей. — Но мы же в мире отражений. Здесь всё — отражения. Разве они могут... причинять боль?

Марк посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, в котором читалась усталость и что-то ещё — горькое знание, нажитое дорогой ценой.

— Вот в этом и главная ловушка мира отражений, — тихо сказал он, и голос его звучал почти как предупреждение. — Здесь боль — тоже отражение. Но от этого она не становится менее настоящей. Если стекло режет кожу — кровь течёт настоящая. Если оно забирает память — ты забываешь по-настоящему. В этом мире даже иллюзии умеют убивать.

— Не всё так просто, — сказала Дана. Она морщилась от боли, но голос её звучал твёрдо, без дрожи, будто она прятала слабость за словами. — Искажения — это не просто отражения. Это существа. Они живут здесь, в этом мире, как хищники живут в своих лесах. И они ненавидят чужаков.

— Тогда как мы найдём Диму? — спросила Аня, и в её голосе слышался не только страх — там была и упрямая решимость, будто она цеплялась за самую возможность спасти брата. — Если лес — это искажение, а искажения охотятся на нас...

— Мы найдём его до того, как лес снова распахнёт пасть, — ответил Марк. В его словах не было бравады, только холодная уверенность человека, который слишком часто смотрел в лицо опасности. — У нас есть время. Минута. Может, две. Пока он перестраивается.

— Перестраивается? — Аня нахмурилась, пытаясь осознать эту странную механику чужого мира.

— Лес не может оставаться одним и тем же, — объяснил Марк, коротко и чётко, как на инструктаже перед боем. — Он постоянно меняет форму. Через пару минут он станет чем-то другим: полем, рекой, комнатой — чем угодно. Сейчас он «замирает» между обликами. Это наш шанс. Пока он не решил, чем быть, мы можем пройти.

Аня посмотрела на лес. И правда — он уже казался другим. Деревья будто осели, стали ниже, но стволы их утолстились, налились тяжестью. Ветви опустились, словно длин-

ные, гибкие руки, готовые схватить любого, кто зазеваётся. Она поспешно отвела взгляд, будто боялась, что, если посмотрит слишком долго, лес поймёт, что она его заметила.

— Куда идти? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Туда. — Дана вытянула руку, не глядя — будто вела их не глазами, а внутренним компасом. — Я чувствую его. Он ближе, чем раньше. Лес не просто охотится. Он охраняет. Дима в центре.

— В центре леса?

— В центре трещины, — поправил Марк, выпрямляясь и проверяя, крепко ли сидит сумка на плече. — Ладно. Слушайте внимательно. Мы идём быстро. Без остановок. Если лес снова оживёт — Тимур бросает свет. Если свет не поможет — я использую печать. Если и это не сработает... тогда бегите. Все просто не оглядываясь.

— А ты? — прошептала Аня, и этот вопрос прозвучал не как вызов, а как мольба.

— Я задержу его, — спокойно ответил Марк, глядя ей прямо в глаза.

— Я не оставляю тебя!

— Оставишь, — он чуть улыбнулся, и улыбка вышла кривой, совсем не весёлой, но в ней было что-то, что заставило Аню замолчать. — Не потому, что я важнее или смелее. Просто это стратегия. Кто-то должен остаться, чтобы остальные смогли уйти. Ты нужна Диме, а он не сможет без тебя.

Аня хотела возразить, хотела сказать, что он тоже нужен, что без него они просто заблудятся в этом стеклянном кошмаре. Но слова застряли в горле. Потому что лес уже начал меняться.

Деревья задрожали, будто по их стеклянным жилам пробежал электрический ток. Ветви медленно, с тягучим скрипом, начали подниматься, словно пробуя воздух на вкус. Осколки на земле зашевелились, поползли, как живые жуки, собираясь в острия. Воздух стал гуще, тяжелее, будто сам мир затаил дыхание.

— Пошли! — рывкнул Марк, и этот голос прорвался сквозь нарастающий хруст.

Они рванули вперёд. На этот раз лес не взрывался яростью — он сжимался, как гигантская ловушка, захлопывая створки. Деревья сдвигались, стволы переплетались, образуя стеклянные решётки. Ветви опускались всё ниже, царапая воздух, хватая за одежду, за волосы, за плечи. Аня бежала, пригибаясь, извиваясь, вырываясь из этих холодных, острых объятий. Стеклянные пальцы цеплялись за неё, но она стряхивала их, как паутину, и бежала дальше.

— Тимур! — крикнул Марк, голос его звучал напряжённо, но чётко.

— Держи! — Тимур метнул второй шарик. Тот ударился о землю и вспыхнул ослепительным белым светом. На секунду деревья будто отпрянули, их ветви замерли, словно ослеплённые. Этого мгновения хватило. Аня проскочила, едва не

задев плечом стеклянную преграду. Дана тоже пронеслась мимо, прижимая раненую руку к груди. Марк замыкал цепочку, прикрывая их отход.

И в тот момент, когда он пробежал мимо искрящегося круга света, лес издал звук — не треск, не хруст, а низкий, вибрирующий стон, будто огромный стеклянный зверь наконец раскрыл пасть.

— Ещё один! — крикнул Тимур.

— Не сейчас! — Марк обернулся. — Береги последний!

Они выбежали на поляну. Небольшую, круглую, окружённую стеклянными деревьями. В центре поляны стоял столб. Не дерево и не камень. Столб из чистого света. Он был высоким, тонким, и внутри него что-то двигалось. Что-то живое.

— Это трещина, — сказала Дана. — Главная эта та, через которую они ушли.

— А где Дима? — спросила Аня.

— Там. — Дана показала на столб. — Внутри.

Аня шагнула вперёд. Марк схватил её за руку.

— Стой это ловушка. Они хотят, чтобы мы вошли.

— Но он там.

— Да. И они ждут.

Аня перевела взгляд на столб света. Внутри, в мерцающем сиянии, проступил силуэт — маленький, до боли знакомый. Это был Дима. Он стоял неподвижно, словно вырезанная из камня статуя: глаза закрыты, руки безвольно опущены вдоль тела. Он не шевелился, будто время для него остановилось.

— Дима! — крикнула Аня.

Он не отреагировал. Даже не пошевелился.

— Он не слышит, — сказала Дана. — — Он в другом слое, — проговорил Марк, голос звучал глухо, будто слова давались с трудом. — Глубже, чем мы сейчас. Чтобы добраться до него, нам нужно войти в столб.

— Тогда войдём, — сказала Аня.

— Не так просто. — Марк отпустил её руку. — Столб — это не дверь. Это барьер. Он пропускает только тех, кто уже внутри. Или тех, кого впустят.

— Кто впустит?

— Искажения. — Марк посмотрел на лес. — Они хозяева и они решают, кто войдёт.

Аня обернулась — лес стоял неестественно тихо, словно затаился в ожидании.

— Тогда мы заставим их отступить, — твёрдо сказала она. — У нас есть печати, есть свет, есть...

— У нас ничего нет, — перебил Тимур. — У нас есть два шарика, одна печать и куча проблем. И лес, который вот-вот снова оживёт. Если мы не придумаем что-то сейчас, мы все станем частью этого леса.

Аня замолчала. Он был прав. Она это знала. Но она не хотела это признавать.

— Есть один способ, — тихо, но уверенно произнесла Дана. Все разом обернулись к ней, будто только сейчас вспомнили, что она здесь. — Я могу войти в столб. Я вижу память

— и смогу пройти через барьер, если отыщу в нём хоть малейшую брешь.

— Это опасно, — сказал Марк.

— Всё опасно. — Дана посмотрела на него. — Я знаю, на что иду. Я не боюсь.

— А если ты не вернёшься?

— Тогда вы найдёте другой способ, — твёрдо сказала Дана.

Она улыбнулась — слабо, едва заметно, но в этой улыбке не было ни горечи, ни отчаяния, только спокойная уверенность.

— Я не собираюсь умирать здесь. У меня слишком много воспоминаний — я не готова их потерять.

Аня смотрела на неё. На эту тихую девушку, которая всегда молчала, всегда работала одна, всегда смотрела на стекло так, будто видела в нём что-то большее. Теперь Аня отчётливо понимала, почему Дана так говорила. Та видела память в каждом осколке, в каждом отражении, в каждом витраже — замечала то, что остальные просто не замечали, скользили взглядом мимо. И теперь она собиралась пустить этот дар в дело: пройти сквозь барьер и спасти Диму.

— Хорошо, — сказала Аня. — Иди, но будь осторожна.

Дана кивнула. Она подошла к столбу и на миг замерла, вглядываясь в пульсирующий свет. Потом решительно шагнула вперёд.

И исчезла.

Аня напряжённно ждала.

Секунда тянулась за секундой — первая, вторая, третья.

Столб по-прежнему стоял неподвижно, будто застыл во времени.

Лес вокруг безмолвствовал, и эта тишина казалась почти зловещей.

Тимур крепко сжимал в руке последний шарик, пальцы его побелели от напряжения.

Марк не сводил глаз с печати, будто от её свечения зависла вся их надежда.

И вдруг столб вспыхнул — свет стал ослепительно ярким, а внутри, рядом с силуэтом Димы, проступил второй, тонкий и изящный: это была Дана.— Она внутри, — сказала Аня. — Она прошла.

— Пока да, — сказал Марк. — Но это только начало.

Они замерли, не сводя глаз со столба, и время будто растянулось в тонкую, звенящую нить.

Свет внутри него менялся — то вспыхивал ослепительно ярко, то опадал до тусклого мерцания, словно боролся с собственной тьмой.

Силуэты внутри едва заметно двигались, будто вели безмолвный танец на грани миров.

Дана делала что-то важное — Аня не могла разглядеть деталей, но чувствовала напряжение каждого её движения.

Аня просто смотрела, вцепившись взглядом в мерцающий свет, и цеплялась за слабую, но упрямую надежду.

Тишина вокруг стала густой, почти осязаемой, и от этого ожидание казалось ещё тяжелее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.